

АНГЛИЙСКИЕ «РЫЦАРИ ПЛАЩА И КИНЖАЛА» ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена неизученной в историографии проблеме разведывательной деятельности британских послов при дворе Екатерины II. Современные историки еще недостаточно внимания уделяют изучению «тайной войны», скорее всего из-за отсутствия необходимых источников. Опираясь на дипломатическую переписку и мемуарную литературу послов Джона Бэкингэмшира, Джорджа Макартни, Чарльза Кэткарта, Джеймса Гарриса, автор освещает неофициальную, тайную деятельность дипломатов. Выясняется, что наиболее важными для послов представлялись сведения об армии и флоте Российской империи, а также информация о состоянии дел в России и первых лицах государства — Екатерине II, ее министрах и приближенных. Подчеркивается, что собирать подобную информацию поручал послам сам царствующий король Георг III. Автор приходит к выводу о том, что информаторами дипломатов нередко становились высокопоставленные российские чиновники, в том числе известные государственные деятели Н. Панин, Г. Потемкин, которые в силу корыстных побуждений, либо «особого» расположения к Британии — англофильства, снабжали послов секретной информацией, тем самым нанося очевидный вред своему государству. Сведения об армии и флоте Российской империи занимали первостепенное место в разведывательной информации послов. Важными для правительства Великобритании, а значит и для послов, представлялась также информация о первых лицах Российского государства. Поэтому каждый из послов считал необходимым сообщать в депешах в Лондон свои наблюдения за деятельностью императрицы и ее окружения — министров, придворных, ближайших родственников. Все дипломаты рассматривали их как потенциальный источник информации, который можно было использовать в интересах Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII в., Екатерина II, Георг III, послы, разведывательная деятельность.

T. L. Labutina

English «Cloak And Dagger Knights» at the Court of Catherine II

Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the unexplored problem in the historiography of intelligence activities of British ambassadors at the court of Catherine the Great. Modern historians do not pay enough attention to the study of the «secret war», most likely due to the lack of necessary sources. Based on diplomatic correspondence and memoir literature of ambassadors John Buckinghamshire, George Macartney, Charles Cathcart, James Harris, the author covers the unofficial, secret activities of diplomats. It turns out that the most

important for the ambassadors were information about the Army and Navy of the Russian Empire, as well as information about the state of affairs in Russia and the first persons of the state – Catherine II, and her Ministers and confidants. It is emphasized that to collect such information was entrusted to the ambassadors by the reigning king George III. The author comes to the conclusion that diplomats were often informed by high-ranking Russian officials, including well-known statesmen N. Panin, G. Potemkin, who due to selfish motives or «special» disposition to Britain – anglophiliya, supplied ambassadors with secret information, thereby causing obvious harm to their state. Information about the Army and Navy of the Russian Empire occupied a primary place in the intelligence of ambassadors. Important for the British government, and hence for the ambassadors, was also information about the first persons of the Russian state. Therefore, each of the ambassadors felt it necessary to inform London about their observation of the activities of the Empress and her entourage of ministers, the courtiers. All diplomats saw them as a potential source of information that could be used in the interests of the Great Britain.

Keywords: Great Britain, Russia, XVIII century, Catherine II, George III, ambassadors, intelligence activity.

Сегодня ни для кого не секрет, что разведка является неотъемлемой составляющей внешнеполитического ведомства любой страны мира¹. История разведки насчитывает более пяти столетий, о ее деятельности в свое время писал Е. Б. Черняк². Современные отечественные историки еще недостаточно внимания уделяют изучению «тайной войны», скорее всего из-за отсутствия необходимых источников. В свое время мы освещали разведывательную деятельность англичан в допетровскую и петровскую эпоху³. В настоящей статье мы остановимся на неофициальной, тайной деятельности британских послов при дворе Екатерины II, которые собирали секретную информацию о стране пребывания и о чем оставили записи в дипломатической переписке и в своих дневниках.

Еще до вступления на престол великая княгиня Екатерина Алексеевна оказалась под пристальным вниманием британского посла Чарльза Генбюри Уильямса. Ему удалось установить доверительные отношения с будущей императрицей и получать от нее секретную информацию. Именно Ч. Уильямс инструктировал Екатерину, как ей следовало подготовить дворцовый переворот, чтобы взойти на трон⁴.

После того, как Екатерина вступила на престол, англичане продолжили активно собирать информацию о Российской империи, используя для этой цели прежде всего своих послов. Король Георг III, направляя графа Джона Бэкингэмптона в качестве посла в Россию в 1762 г., откровенно советовал ему озаботиться получением

¹ «Плащ и кинжал» (англ. «Cloak and Dagger») – английский термин, используемый, когда речь идет о ситуациях, в которых имеется интрига, секретность, шпионаж или какая-либо тайна.

² Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки, изд. 4-е. М., 1985.

³ Лабутина Т. Л. Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I. – Вопросы истории, 2010, № 11; *её же*. Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.). – Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011; *её же*. Петровская Россия глазами британского дипломата Ч. Уитворта. – Новая и новейшая история, 2012, № 4; *её же*. Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I. – Новая и новейшая история, 2013, № 3; *Labutina T. L. Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I. – Social Sciences*, v. 42, 2011, № 2, и др.

⁴ Подробнее см.: Лабутина Т. Л. Была ли Екатерина II английской шпионкой? Домыслы и факты. – Родина, 2014, № 9.

разведывательной информации, как-то: поддерживать «самые лучшие отношения» с министрами дружественных Великобритании держав, находящихся при дворе императрицы, пытаюсь «проникать в виды и намерения их повелителей и получать от каждого из них сведения о всех делах, о которых у них будут переговоры с императрицей и ее министрами»; постоянно переписываться с британскими министрами при иностранных дворах, обмениваясь с ними сведениями, «могущими быть... полезными для ведения переговоров и успеха порученного ...дела». Особенно важной для короля представлялась, конечно же, информация о состоянии дел в самой России. Георг III наставлял посла: «Не забудьте постоянно сообщать нам подробности о ходе домашних дел при дворе, где вы будете находиться, о состоянии доходов императрицы, о количестве войска и флота, о политике императрицы, о ее видах и намерениях относительно общего хода дел в Европе, а особенно на севере; наконец, о внутренних партиях и волнениях, могущих обнаружиться в государстве»⁵. По возвращении на родину король ожидал от посла «подробного и полного письменного отчета» обо всем, что тот заметит при дворе императрицы, «о способностях и образе мыслей ее министров, об их интересах, взаимных отношениях и несогласиях, об их расположении к иностранным государям и государствам», а также «все ...подробности, могущие... дать правильное понятие о ходе дел в этом государстве»⁶.

Надо сказать, что подобные поручения монарха не отличались оригинальностью: Георг III практически дословно повторял рекомендации королевы Анны Стюарт⁷. Неудивительно, что британские дипломаты часто совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной⁸.

Задания по сбору разведанных, полученные от короля, послы исполняли усердно. В их донесениях содержалась подробная информация о высокопоставленных сановниках, приближенных к императрице, их пристрастиях и слабостях; о самой Екатерине II, о расстановке политических сил при дворе, а также о состоянии армии и флота России.

Граф Джон Бэкингэмшир⁹, характеризуя Россию, подчеркивал, что внутреннее положение страны представлялось ему в виде «огромной массы горячих материалов с поджигателями на каждом углу»¹⁰. Чем объяснялась подобная характеристика российского государства? На взгляд дипломата, прежде всего плохим его управлением. «Внутреннее состояние здешнего правительства представляет величайший беспорядок, и сенат издает резолюции, которые отменяются на следующий же день. Общее выражение удовлетворения и радости исчезло; а многие даже открыто высказывают неодобрение действий двора, — докладывал Бэкингэмшир в Лондон в марте 1763 г. — Императрица ежедневно оказывает (Григорию) Орлову новые знаки своего расположения, предпочтение ее к нему так решительно, что им оскорбляются многие лица, считающие за собой по своему сану, положению и способностям более прав на милости императрицы»¹¹. 14 июня 1763 г. Бэкингэмшир отправил в Лондон депе-

⁵ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. — Сборник императорского российского исторического общества, т. XII. СПб., 1873, с. 20.

⁶ Там же, с. 22.

⁷ Подробнее см.: *Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013, с. 197–198, 221–222.

⁸ Там же, с. 196–222.

⁹ Подробнее о нем см.: *Лабутина Т. Л.* Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века. — Новая и новейшая история, 2015, № 4.

¹⁰ Дипломатическая переписка..., с. 188.

¹¹ Там же, с. 89.

шу с пометой «весьма секретно». «Казна императрицы в полном истощении, даже фонд Адмиралтейства, который до сих пор был неприкосновенным, теперь растрочен... Я должен передать вам, что есть основания опасаться волнений»¹². И далее посол добавлял: образ жизни самой Екатерины представляет собой «смешение пустейших развлечений и усиленного занятия делами», которые ни к чему не приводят¹³. Среди придворных зреет недовольство усилением позиций Григория Орлова. В Москве даже начались волнения. До посла доходили слухи, будто бы княгиня Е. Р. Дашкова «возбуждала и поощряла всех недовольных настоящим правительством». Лица, замешанные в беспорядках, уверяли, что их цель состояла в удалении Орлова от «той особой милости, которой он пользуется». На него смотрят «как на временщика», все питают к нему вражду, «особенно люди, участвовавшие вместе с ним в последней революции (дворцовый переворот 1762 г. — *Т.Л.*) и считающие свои заслуги выше его»¹⁴.

Волнения в Москве, как сообщал Бэкингэмшир, в ходе которых гвардейцы «вызывали великого князя», не на шутку испугали императрицу. Посол высказывал предположение: когда великий князь Павел Петрович достигнет совершеннолетия, его попытаются возвести на престол, и «ревность матери его будет справедливо возбуждена». Кроме того, Екатерине II хорошо известно, что «отличие к иностранцам и к их обычаям погубило покойного императора и лишило его престола». Императрица сознает, что ее главный недостаток в глазах народа, что она иностранка, и потому она «считает своей обязанностью крепко держаться предрассудков русских, между которыми многие готовы бы были употребить все зависящие от них средства для полного изгнания иностранцев из своего государства»¹⁵. Как видно из сказанного, внутреннее положение Российской империи в первые годы правления Екатерины II оставалось довольно сложным, и императрице и ее правительству понадобилось приложить немало усилий, чтобы вывести страну из кризисного состояния.

Спустя семь лет, в конце декабря 1770 г., новый посол Чарльз Кэткарт¹⁶ направил в Лондон обстоятельный доклад о состоянии дел в России. «Все дела, как иностранные, так и домашние, находятся в пренебрежении, — писал дипломат. — Императрица стареет, великий князь приближается к совершеннолетию, а между тем не принимают никаких мер для того, чтобы не дать ему сбросить с себя роль ребенка, заявить права наследника»¹⁷. Ничего не делается также для решения внешнеполитических задач, продолжал посол, в том числе в отношении союза с Англией.

Кэткарт сообщал о «бесконечных расходах» императрицы на содержание флота. Он подчеркивал, что российское правительство не в состоянии получить какие-либо средства путем займов за границей или внутри государства через увеличение налогов, поскольку, на его взгляд, «бедные и средние классы были бы раздавлены, прежде чем богатые начали ...страдать; для правительства опасно раздражать богатых. Казна еще не совершенно истощена, но весьма обеднела. Дела банка в беспорядке»¹⁸.

Серьезный просчет в управлении Российской империей Кэткарт усматривал в недостатке людей, «способных, сведущих и честных». «Зависть и ненависть к иностранцам», неспособность ко всем делам, как гражданским, так и военным, отсутствие

¹² Там же, с. 109–110.

¹³ Там же, с. 126.

¹⁴ Там же, с. 125.

¹⁵ Там же, с. 125–127.

¹⁶ Подробнее о нем см.: *Лабутина Т. Л.* Союзный договор — камень преткновения в переговорах британского посла Чарльза Кэткарта и российской императрицы Екатерины II. — *Новая и новейшая история*, 2018, № 3.

¹⁷ Сборник императорского российского исторического общества, т. XIX. СПб., 1876, с. 165.

¹⁸ Там же, с. 166–167.

согласия и доверия, а также «недостаток той деятельности и энергии, которые в других странах побуждают людей недовольных высказывать свое недовольство, противодействовать мерам, ими осуждаемым, и отделяться от лиц, рассматриваемых ими врагами государства», все это характеризует российских чиновников, заключал посол¹⁹. Завершая характеристику состояния дел в России, Кэткорт высказывал предположение о возможных переменах в государстве (читай: очередном дворцовом перевороте), в результате которых, по его мнению, граф Алексей Орлов «представляется самым вероятным орудием для того, чтобы оказать своей родине важную услугу... Репутация, влияние на императрицу и поддержка братьев... призывают его к деятельности»²⁰.

Исчерпывающий доклад посла о России произвел должное впечатление на короля, который поручил передать Кэткарту свою благодарность. «Его Величество одобряет Ваш образ действий, — сообщал послу госсекретарь, — и весьма доволен тем усердием, вниманием, деятельностью и искусством, которые так очевидны из хода переписки Вашего превосходительства, а особенно заметны в вышеупомянутой и весьма интересной депеше Вашей, где Вы рисуете такую яркую, подробную, но в то же время унылую картину настоящего положения русского двора и империи»²¹.

Описывая значительные события, происходившие за время пребывания в России, Кэткорт больше всего внимания уделял Екатерине II и придворной жизни. Так, в одном из первых своих донесений в Лондон от 29 августа 1768 г. он сообщал о приезде в Петербург английского медика Томаса Димсдейла для обследования императрицы, великого князя и лиц, приближенных к ним²². В депеше от 29 августа 1768 г. Кэткорт сообщал, как Димсдейл был принят при дворе. Для него приготовили комнаты во дворце и экипаж. Медик виделся с императрицей «частным образом» и был приглашен обедать и ужинать с великим князем, когда ему будет угодно, и вообще «бывать у него» как можно чаще. Димсдейл пребывал во дворце в таком «свободном и нестесненном положении, каким только мог бы пользоваться в доме любого английского дворянина», свидетельствовал Кэткорт. Посол характеризовал Димсдейла как весьма достойного и почтенного человека. Он обращал внимание на то, что врач почти не говорит по-французски, хотя и понимает этот язык, а это мешает ему общаться с императрицей наедине. «Я слышал, — писал дипломат, — что императрица понимает немножко по-английски и не хочет иметь переводчика». Не подлежит сомнению, что императрице, а затем и великому князю будет привита оспа, писал Кэткорт, но это должно оставаться тайной. Впрочем, на его взгляд, эта тайна известна всем. В разговоре с послом Димсдейл уверял, что состояние здоровья императрицы вполне «благоприятно» и что он «очарован ее милостивым и любезным обращением»²³.

Глава внешнеполитического ведомства Англии требовал от посла «следить с особым вниманием за ходом болезни, по совершении операции», поскольку этим интересовался сам король. «Мне поручено, — писал он Кэткарту, — предписать вашему превосходительству, высылать мне по этому предмету подробные отчеты для сообщения их Его Величеству»²⁴. И посол неукоснительно выполнял данное поручение.

¹⁹ Там же, с. 167.

²⁰ Там же, с. 165–168.

²¹ Там же, с. 173.

²² Подробнее о двух визитах в Россию барона Томаса Димсдейла см.: *Лабутина Т. Л.* Визит британского врача Т. Димсдейла ко двору Екатерины II. — Е. Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы. М., 2012; *ее же*. Визит супругов Димсдейл в Россию во второй половине XVIII в. — Вопросы истории, 2013, № 6; *ее же*. Визит супругов Димсдейл ко двору Екатерины II. — *Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке, с. 310–346.

²³ Дипломатическая переписка..., с. 363.

²⁴ Там же, с. 385, 389.

По завершении прививки оспы придворным императрица по-царски отблагодарила Димсдейла. «После обедни, в день праздника св. Екатерины, — сообщал посол в Лондон, — императрица принимала поздравления от Сената и представителей других учреждений, после чего ей угодно было пожаловать доктору Димсдейлу титул русского барона, имеющий перейти к наследникам его мужского пола». Кроме того, Ее Величество «оценила достоинства этого джентльмена и услугу, оказанную им ее особе, семейству и империи». Были выплачены 2 тыс.ф. ст. на дорожные расходы. Подарено 10 тыс.ф. ст., а также назначена выплата в 500 ф. ст. «ежегодной и пожизненной пенсии вместе с титулом лейб-медика и званием статского советника, равного с чином генерал-майора»²⁵.

Заметим, что назначенную императрицей пенсию британский медик получал нерегулярно, с большими задержками. Об этом упоминал известный историк С. М. Соловьев. Димсдейл однажды пожаловался императрице на то, что пенсия «доставляется очень беспорядочно, деньги, ему присланные, русское посольство в Лондоне издерживает на свои нужды, священник посольства, отец Самборский, занял у него же, Димсдейла, 250 фунтов для русских студентов в Англии, терпящих крайнюю нужду. Вследствие этого письма граф Мусин-Пушкин (посол в Англии. — *Т.Л.*) получил рескрипт из Петербурга: “С крайним неудовольствием известились мы от нашего лейб-медика барона Димсдейла, что он за два года не получал определенной ему от нас пенсии, хотя она к вам за все минувшие годы давно уже с излишеством доставлена была. Таковое удержание или обращение в собственную пользу денег, имеющих свое особенное и точное назначение, возбуждает в нас справедливое удивление”²⁶. Следствием «удивления» императрицы стало перемещение Мусина-Пушкина из Лондона в Стокгольм.

Обратимся далее к вопросу, какие сведения в первую очередь интересовали дипломатов? Прежде всего это информация о расстановке сил при дворе. Послы наблюдали за тем, кто из придворных пользуется особым расположением императрицы, чтобы по возможности привлечь их в качестве своих информаторов. Послов интересовала также любая информация, связанная с Екатериной II. К примеру, Кэткерт, который по поручению короля на протяжении нескольких недель внимательно следил за тем, как идет подготовка к прививке оспы императрице, отмечал, что доктор Димсдейл имеет близкий доступ к Екатерине, великому князю и Панину, а потому этим следует непременно воспользоваться. Посол сообщал госсекретарю в Лондон: «Редко случается кому-либо доставить такое удовольствие и самому остаться так довольным, как доволен в настоящую минуту доктор Димсдейл сношениями своими с императрицей, великим князем и Паниным, и так как он видится с ними весьма часто, то по возвращении его Вам, милорд, будет небесполезно поговорить с ним»²⁷.

Впрочем, и сам посол пытался использовать врача в качестве своего информатора. Так, 25 ноября 1768 г. он писал госсекретарю: Димсдейл никогда не забывал, что «имеет честь быть подданным короля и постоянно сносился со мной по всем вопросам, которых мог касаться, не уклоняясь от обязанностей, возложенных на него его положением»²⁸.

Больше всего дипломатов, естественно, интересовало состояние армии и флота Российской империи. Так, Бэкингэмшир 18 июня 1764 г. направил в Лондон подробный отчет, в котором сообщал: «Что касается до русской армии, считаю лишним

²⁵ Там же, с. 405–406.

²⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XV. История России с древнейших времен, т. 29. М., 1995, с. 252–253.

²⁷ Дипломатическая переписка..., с. 406.

²⁸ Там же, с. 406–407.

объяснять, что кроме мародерства и опустошения неприятельской страны иррегулярные войска приносят вообще мало пользы». Хотя посол признавал отдельные успехи российской армии («артиллерия — лучшее войско когда-либо виденное мною. Полевые пехотные полки хороши и в полном составе»), тем не менее в целом считал ее слабой. «Гвардия вследствие разных причин не оправдывает назначения. Кавалерия в самом дурном состоянии. Их конная гвардия гораздо ниже последнего полка Его Величества... Гвардейская артиллерия и полевые полки составляют действительную силу империи. Вследствие климата и положения ... страны, а также ... характера ее обитателей, флот ее никогда не достигнет значительных размеров ... В настоящую минуту готовятся к плаванию один корабль и фрегат, на которые ... удалось набрать экипаж, так как в подобном случае здесь всякий идет за матроса»²⁹.

Большое внимание анализу состава армии и флота уделил посол Джон Макартни в своей книге о России³⁰. Он подчеркивал, что пополнение армии и флота происходит исключительно за счет коренных русских, которые, на его взгляд, при хорошей дисциплине становятся «несравненными солдатами и матросами». По своим способностям к подчинению русским нет равных в мире, однако в целом, признавал Макартни, большинство их не принадлежит к военной касте. Напротив, «они испытывают сильнейшее отвращение к военной службе, особенно морской, и волонтеры среди них редкое чудо». Российские дворяне, которые служат в армии или на флоте, редко добиваются больших успехов в своей профессии, поскольку лишены амбиций. Офицеры менее искусны, чем иностранные военные; и если порой им доведется исполнять обязанности солдата, то они «скорее действуют под угрозой наказания и необходимости подчинения, нежели воодушевленные национальным духом»³¹.

Макартни обращал внимание на то, что в отличие от большинства других наций, которые берегут своих подданных и стараются набрать в свою армию как можно больше иностранцев, «русские никогда не допускают иностранцев в свои регулярные войска». В то же время, продолжал дипломат, большинство способных офицеров на службе — иностранцы; нередко умелых генералов поставляют также завоеванные территории. Во флоте служат несколько английских офицеров, которые, подчеркивал Макартни, «понимают свое дело и видели настоящую морскую службу»³².

Согласно данным Макартни, численность российской армии в 1767 г. составляла 387 054 человека, из которых 54 796 не входили в число регулярных войск, но во время войны несли службу. Гвардия, подчинявшаяся исключительно императрице, насчитывала 11 тыс. Артиллерия располагалась в различных местах, треть орудий была сосредоточена вблизи столицы. Число артиллеристов составляло 25 тыс. Существовало еще несколько полков: 6 полков кирасиров, 20 полков карабинеров, 19 полков драгунов, 8 полков гусар и 63 полка пехоты, в том числе 4 полка grenадеров. В целом их численность достигала 180 тыс. человек. В состав нерегулярных войск входили казаки, татары, калмыки, которые могли выставить 300 тыс. всадников. Регулярные же войска полностью состояли из русских (за исключением офицеров) и представляли значительную силу империи, а при необходимости их численность могла быть значительно увеличена. Впрочем, как полагал дипломат, такой необходимости не было, «поскольку вряд ли потребуются от России выставить более 180 тыс. человек в войнах

²⁹ Там же, с. 169–170.

³⁰ Подробнее о нем см.: *Лабутина Т. Л.* Британский посол Джордж Макартни и его представления о екатерининской России. — *Новая и новейшая история*, 2016, № 3.

³¹ *An Account of Russia. 1767. London, 1768*, p. 30.

³² *Ibidem*.

с северными державами». Что же касается четырех ее соседей, таких как турки, татары, персы или китайцы, то их количество всегда будет превышать российское войско³³.

Заметим, что сведения Макартни о численности российской армии в 1767 г. разнились с теми, которые приводила английская исследовательница Изабель де Мадариага. Опираясь на сведения из российских источников³⁴, она утверждала, что общая численность вооруженных сил в 1767 г. составляла 186 869 человек (не считая казаков), в том числе 149 303 пехотинца и 37 566 кавалеристов. Сверх того, около 92 тыс. солдат несли гарнизонную службу. Для повышения численности армии было объявлено два рекрутских набора, в результате численность войск в 1768 г. увеличилась на 50 747 человек³⁵.

Анализируя состояние российского флота, Макартни приходил к выводу: после Петра I российский флот пришел в упадок. «У России сейчас нет флота, за исключением Кронштадта и Ревеля на Балтике», — утверждал он. На Каспийском море нет ни одного военного корабля, а по договору 1739 г. для России было закрыто плавание по Азовскому и Черному морям. «В целом русский флот во всех отношениях уступает шведскому или датскому и не только в сравнении, но и сам по себе он крайне ничтожен, — заключал посол. — Со своей стороны, я убедился в том, что ...дюжина английских линейных кораблей могла бы справиться с морскими силами Российской империи. Но даже если при таких ресурсах, какими располагает империя, и при надлежащем внимании российский флот значительно усилился бы, то и тогда он не смог представлять существенной угрозы для Великобритании»³⁶. Собственно говоря, в этих словах об отсутствии военной угрозы для Британии со стороны России и крылась причина особого внимания британского дипломата к состоянию вооруженных сил Российской империи.

Состоянием армии и флота России интересовался также Чарльз Кэткерт. На его взгляд, в российской армии царит полнейшая неразбериха. Никто не доверяет главнокомандующему 1-й армии — генерал-аншефу князю Голицыну; генерал-квартирмейстер Бауер пребывает в открытой вражде с ним, но пользуется доверием и милостью императрицы. Что касается графа Григория Орлова, то он «ненавидим генералами и обожаем солдатами». Брат министра Панина, генерал Панин, «уважаемый и любимый офицерами и солдатами», после взятия Бендер был принужден выйти в отставку из-за того, что «не отдали справедливости тем достойным лицам, которые, по его мнению, заслуживали наград». Начальство над 2-й армией поручено князю Долгорукову, «человеку, которого все партии называют зверем». «Обе армии, — писал Кэткерт, — раздражены; офицеры всех чинов выходят в отставку; люди измучены болезнями, усталостью и дурным управлением, более разрушительным, чем неприятельское оружие; рекрутские наборы пагубны для огромной, но мало заселенной страны. Флот в Архангельске дурно построен, дурно управляется и дурно оплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами болезни». В своем отчете Кэткерт сообщал в Лондон также о «бесконечных расходах» императрицы на содержание флота.

В одной из инструкций госсекретарь лорд Веймут наставлял Кэткерта: Его Величеству необходимо, чтобы его слуги за границей «слушали как можно больше, а говорили как можно меньше»³⁷. И посол исполнял королевский приказ неукоснительно. Среди его донесений в Лондон замечен документ за номером 230, содержащий

³³ Ibid., p. 136–138.

³⁴ *Бескровный Л. Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947, с. 202–203; *его же.* Русская армия и флот в XVIII в. (очерки). М., 1958, с. 294.

³⁵ *Де Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002, с. 335.

³⁶ An Account of Russia. 1767, p. 139.

³⁷ Дипломатическая переписка..., с. 369.

информацию о русской армии во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В нем подробно описывается численный состав и вооружение армий под начальством генерал-аншефа князя Голицына и генерал-аншефа графа Румянцева. Первая из них насчитывает 110 тыс. человек (И. де Мадариага говорит о 80 тыс.)³⁸, артиллерийских орудий в ней – 271, в том числе пушек различных калибров – 201, гаубиц – 35, мортир – 35. К армии князя Голицына направляется подкрепление: семь полков кавалерийских – 8 тыс. 400 человек, два полка инфантерии – 3 тыс., татар под начальством атамана – 6 тыс. В Молдавии, информировал Кэткарт, находятся 110 тыс. человек, подкрепление, которое движется из Сибири и Севска, насчитывает 17 тыс. 400 человек, а «всего войска, составляющего главную Российскую армию – 127 тыс. 400 человек». Вторая армия под начальством генерал-аншефа графа Румянцева, по данным Кэткарта, составляет 62 тыс. 340 человек (по сведениям И. де Мадариага – 40 тыс.)³⁹, артиллерийских орудий у нее – 136. Войска в Польше под командованием генерал-лейтенанта Веймарна насчитывают 18 тыс. 178 человек, артиллерийских орудий – 110. Войска в Финляндии под начальством генерал-аншефа графа Петра Панина насчитывают 15 тыс. 400 человек. Всего войска на действительной службе насчитывалось 223 тыс. 318 человек. В распоряжении Кэткарта оказались также сведения о секретной эскадре в Воронеже: 15 галер – 300 человек – 3 пушки; 10 полугалер – 200 человек – 2 пушки; 5 паромов – 300 человек – 36 пушек; 5 бригантин – 400 человек – 36 пушек. «Командиры неизвестны, исключая контр-адмирала Сенявина, – докладывал посол. – Строят несколько палубных судов для Азова». Кэткарт также упомянул о снабжении армии, продовольственных складах (магазинах), расположенных в Воронеже, Киеве, Тамбове, Полтаве, Чернигове, Елизаветграде, Темрюке, Каменце. «В настоящее время, – доносил дипломат, – в них находятся 400 тыс. кулей муки, 50 тыс. кулей крупы, 200 тыс. кулей овса, 70 тыс. пудов соли. Генерал-лейтенанту Верну поручено увеличить запасы всех этих магазинов. Они охраняются 10 тыс. ополченцев и нерегулярных войск»⁴⁰. Разве не удивительно, что подобная информация собиралась о вооруженных силах государства, с которым Великобритания так настойчиво стремилась заключить союзный оборонительный договор? И не могли ли англичане передать все эти сведения противнику России – Турции? Нам представляется это вполне возможным.

В преддверии новой войны России с Турцией сведения о состоянии русской армии представляли для британцев особую ценность. В одной из депеш посла Джеймса Гарриса, отправленной в Лондон, извещалось о приезде в Петербург курьера из Вены, который, как стало ему известно, привез «самые точные и многочисленные карты турецких границ и крепостей». И, как предполагал Гаррис, вместе с картами у курьера с собой имелся план раздела Оттоманской империи, начертанный самим императором Австрии. Этот план императрица не сообщила никому, кроме князя Потемкина. Однако о нем очень быстро стало известно дипломату. «Белград, с одной стороны, а Очаков – с другой, вероятно, послужат первыми предметами раздела, если только императрица примет этот план», – рассуждал Гаррис⁴¹.

В одной из депеш Гаррис остановился на подготовке России к войне с Турцией. «Миролюбивые и смиренные ответы Порты, конечно, не произведут никакой перемены, благоприятной для турок, – писал он 18 января 1783 г., – и послужат только к усилению алчности и к возбуждению честолюбия обоих (России и Австрии. – Т. Л.)

³⁸ *Де Мадариага И.* Указ. соч., с. 335.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Дипломатическая переписка..., с. 447–452.

⁴¹ Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II. – Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 878.

императорских союзников»⁴². «Здесь приготовления, как военные, так и морские, усердно подвигаются», — продолжал Гаррис. Дипломат уверял, что «начальствовать великой армией» будет князь Потемкин. Именно он возглавит осаду Очакова и «вторжение» в Бессарабию. Во главе «наблюдательной армии», расположенной на границах Польши, станет Румянцев. Резервный корпус возглавит князь Репнин. Каждое из подразделений армии насчитывает от 35 до 40 тыс. человек. На западном берегу Каспийского моря расположится корпус генерала Павла Потемкина, а вблизи Кубани — корпус генерала Суворова. По информации, полученной Гаррисом, в июне из Херсона и Петербурга выйдут по 10 кораблей, которые должны будут объединиться с 5 судами, находящимися в Средиземном море. 8 или 9 кораблей, годных к службе, останутся в Кронштадте. Вместе с 50 галерами их будет достаточно, чтобы «удержать в почтении шведов». Как видно, дипломат был неплохо информирован о состоянии военных и морских сил России в преддверии войны с Турцией.

Особенно посла интересовал российский флот. В депеше госсекретарю лорду Стормонту Гаррис сообщал: «Флот выступил из Кронштадта в среду в пять часов вечера... Я послал доверенное лицо с тем, чтобы видеть все происходящее». Информатор дипломата по возвращении уверял, что «смтение и поспешность, предшествовавшие отплытию, могут только сравниться с недовольством и унынием матросов и офицеров, отправлявшихся на море». Командиры, как и их подчиненные, «весьма неохотно отправляются в экспедицию, которая не обещает им ни выгоды, ни славы». Экипаж состоит из людей неопытных. Что касается кораблей, то они хорошо оснащены и «снаружи весьма красивы», однако «постройка их стара и, не будучи довольно глубоки в воде, они не в состоянии выдержать ни сильного волнения на океане, ни хорошо направленного нападения». Завершая свое донесение, Гаррис подчеркивал, что подобные заключения были сделаны «опытным наблюдателем»⁴³.

4 марта 1783 г. Гаррис сам посетил Кронштадт, о чем известил Стормонта. Он провел в Кронштадте два дня, после чего сделал следующие выводы о состоянии российского флота: «Положение флота далеко не цветущее. В казначействе нет денег, а суммы, назначенные для постройки новых кораблей, далеко недостаточны». Он обращал внимание на то, что императрица увеличила ежегодный морской фонд на 12 или 16 млн руб. Его поразила «величайшая скудость в лесе», а также недостаток конопля и железа «во всех магазинах». Гаррис даже рассмотрел бревна, предназначенные для постройки «первой сотни вооруженных судов», и пришел к выводу, что «хотя они выбираются с величайшим старанием», тем не менее оказываются негодными для употребления в дело. «Корабли, вернувшиеся в прошлом году из Средиземного моря и из Лиссабона, все без исключения потребуют починки, а некоторые из них придется перестроить совершенно заново, — продолжал свой доклад дипломат. — 10 кораблей и 4 фрегата приказано изготовить в этом году. Половина из них назначается для Леггорна, а остальные будут крейсировать в окрестностях. Я перешлю вам их имена при первой возможности. В случае необходимости они, пожалуй, могут выставить из Балтийского моря 20 линейных кораблей, но тогда это море осталось бы совершенно без защиты»⁴⁴.

Гаррис остановился также на характеристике экипажей российских судов: «У них только 15 тыс. моряков, и они вовсе не заботятся о приготовлении новых; а офицеры их до того невежественны, ленивы и невнимательны, что, не будь на их службе иностранцев, они бы не могли справиться и со слабейшими из своих балтийских соседей»⁴⁵.

⁴² Там же, с. 880.

⁴³ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 393.

⁴⁴ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 830.

⁴⁵ Там же, с. 831.

Следует заметить, что послы нередко шифровали свои донесения в Лондон. «Размер цифрованного письма не позволяет мне дать вам более подробный отчет обо всем происшедшем», — сетовал Гаррис в донесении лорду Стормонту 17 сентября 1781 г. Разговор с прусским министром о возможности вернуться к прежней системе «дружбы и согласия» между государствами потребовал от посла обратиться к «цифрному письму» к Фоксу 31 мая 1782 г. А вот намерение императрицы принудить Голландию к миру «сильным вооружением» в случае ее отказа принять условия Великобритании, составлявшим «весьма важную тайну», вызвало такое опасение Гарриса, что он не решился упоминать о нем «даже в цифрах»⁴⁶.

Какие же разведанные передавали в Лондон послы? Помимо информации об армии и флоте они извещали свое руководство о важных событиях, которые происходили в России, или с ее участием. Так, Гаррис обратил внимание правительства на обстоятельства, связанные с завоеванием Крыма. 16 августа 1782 г. он сообщал госсекретарю лорду Грантаму: «События, которые могут быть вызваны настоящими беспорядками в Крыму, до того важны, что я поставил себе обязанностью приобрести по этому предмету всевозможные сведения». Посол добавлял, что встретил «больше затруднений, чем обыкновенно, стараясь добраться до таких известий». Гаррис подчеркивал, что «самая глубокая тайна, под опасением строжайших наказаний, предписана всякому, кто по своему положению может получить приказания по этому предмету». И в то же время сам он в этой же депеше раскрывал суть этой тайны. Речь шла о переписке Екатерины II с императором Австрии Иосифом II по поводу возможности оказания помощи России в подавлении выступлений крымских татар и в предстоящей войне с Турцией. Гаррис отмечал, что оба корреспондента «не обращаются за советами к своим министрам и не сообщают им принимаемых намерений»⁴⁷. Однако содержание переписки высокопоставленных особ ему самому стало известно. Каким образом?

Нередко информаторами дипломатов становились высокопоставленные чиновники, которые отличались корыстолюбием. К примеру, Бэкингэмшир очень быстро выяснил, что канцлер А. П. Бестужев «охоч до денег», а потому может оказаться весьма полезным для реализации замыслов англичан. Посол нередко виделся с Бестужевым то у него, то у себя в доме, чтобы без помех вести private беседы. Канцлер уверял посла, что незамедлительно сообщит ему «всякое известие, могущее иметь малейшее значение для Англии» и охотно делился с англичанином секретной информацией. Так, он известил Бэкингэмшира о просьбе Франции заключить с Россией торговый договор. Чтобы получить согласие императрицы, французы предлагали закупать в России табак и мясо, которым запасаются в Англии и Ирландии. Бестужев доказывал англичанину, что до сих пор он этому противодействовал, но если Англия согласится на возобновление союзного договора на новых условиях, то он и впредь будет англичанам содействовать. Опасаясь, чтобы о его тайных переговорах с британцем не стало известно при дворе, канцлер предлагал послу «выждать некоторое время, чтобы не навлечь на себя подозрения в слишком тесной дружбе» с ним⁴⁸.

Получая от Бестужева секретную информацию, посол понимал, что за нее следовало платить. И хотя сам канцлер заявлял, что «его расположение к Англии совершенно бескорыстно», Бэкингэмшир был уверен: если Бестужев окажет англичанам «существенную услугу», за это придется расплатиться не только одной «признательностью». Впрочем, сам канцлер вряд ли испытывал угрызения совести, когда на просьбу

⁴⁶ Там же, с. 799, 845, 848.

⁴⁷ Там же, с. 858.

⁴⁸ Дипломатическая переписка..., с. 55–56, 107.

дипломата ускорить заключение договоров⁴⁹ откровенно заявлял, что «имеет много долгов и вследствие расстроенного здоровья не может много утомлять себя делами». При этом он передал Бэкингэмширу список убытков, понесенных им лично от нападения английских крейсеров на российское судно. В своем донесении в Лондон посол утверждал, что считает подобные претензии канцлера справедливыми⁵⁰. Как видно, британское правительство нашло в лице канцлера Бестужева ценного союзника и важного информатора, всячески настаивая на продолжении «дружбы» посла с ним.

Следует заметить, что в мемуарах Бэкингэмшира сохранились краткие характеристики многих приближенных к Екатерине II⁵¹. Судя по обширному списку лиц, о которых упоминал дипломат, его круг знакомств распространялся на самых влиятельных лиц в государстве. Различные контакты с ними давали богатую пищу дипломату, совмещавшему свою профессиональную деятельность с разведывательной. Памятуя о наказе короля «вербовать» на свою сторону влиятельных сановников императрицы, Бэкингэмшир доносил в Лондон, что ему удалось выявить нескольких лиц из числа тех, кто расположен к интересам Англии. В их числе оказался, к примеру, фельдмаршал И. Е. Миних, «самый отличный старик», которого когда-либо случалось видеть послу. Повстречавшись с Бэкингэмширом, он заявил, что «уже имел честь служить на жалованье Великобритании и всегда сохранит к этой стране самое искреннее расположение». Вполне мог оказаться полезным англичанам, по мнению посла, и секретарь императрицы А. В. Олсуфьев, способный гарантировать интересы британского купечества при подготовке торгового договора⁵². В своих мемуарах Бэкингэмшир характеризовал Олсуфьева как человека благовоспитанного и ученого. В то же время он сумел подметить слабости сановника. «Его первое пристрастие — стол, второе — женщины, третье — деньги, позволяющие эти расточительные удовольствия, этот ряд замыкает честолюбие», констатировал посол⁵³. Естественно, что Бэкингэмшир вполне мог использовать слабости высокопоставленных чиновников с тем, чтобы привлечь их на свою сторону, и тем самым добиться выполнения задуманных планов в интересах Великобритании.

Таким пороком, как взяточничество, страдали многие высокопоставленные чиновники Екатерины II. Об этом не преминул сообщить в Лондон Джеймс Гаррис. «Вы, милорд, — писал он лорду Стормонту 13 декабря 1780 г., — не можете составить себе понятия о той степени, до которой в этой стране доведена продажность, об огромных размерах требований и о том нахальстве, с которым они предъявляются». И далее Гаррис отмечал, что французский, голландский и прусский министры «весьма щедры на этот счет». В качестве примера он приводил посла Франции, который «истратил (и без всякой пользы) огромные суммы», снабдив деньгами на покупку домов двух двоюродных братьев графа Панина и вице-канцлера. Каждое из этих зданий, по мнению Гарриса, оценивалось в 4–5 тыс. ф. ст. Герцог Курляндский ежегодно тратит на подкуп до 20 тыс. ф. ст. и «может похвастаться тем, что между прочими лицами содержит на пенсии графа Панина, графа Чернышева и графа Остермана». Впрочем, Гаррис не оставал от других иностранных послов. «Вы можете быть уверены, милорд, — писал он Стормонту, — что я буду бережлив, насколько возможно; но я должен платить за всякое сведение, которое мне удастся получить, и лица, сообщающие мне его, знают,

⁴⁹ Речь шла о пролонгации оборонительного союзного договора Англии и России от 1741 г. и торгового договора от 1734 г.

⁵⁰ Дипломатическая переписка..., с. 70, 91, 100.

⁵¹ Там же, с. 116–125.

⁵² Там же, с. 42, 90.

⁵³ Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге. — Вопросы истории, 1999, № 4–5, с. 117.

как важно для меня получить его своевременно и с точностью»⁵⁴. И Гаррис действительно платил министрам. Один из его недоброжелателей, голландский резидент при дворе Екатерины II, опубликовал в газете информацию, обвинявшую Гарриса в попытке «подкупить русских министров». Примечательно, что императрица, узнав об этой публикации, не придавала ей никакого значения, а самого посла «отличала» даже больше, чем обыкновенно. Затем, обратившись к обществу, с которым ужинала, она принялась шутить «чрезвычайно остроумно и юмористично»⁵⁵. По-видимому, Екатерину II подобные «шалости» британского посла, как попытки подкупа ее министров, не особенно волновали.

Между тем И. де Мадариага пришла к заключению, что подкуп больше не оказывал влияния на внешнюю политику России. И если в прошлом канцлер А. П. Бестужев состоял на жалованье у Англии, канцлер М. И. Воронцов, кажется, в свое время брал деньги от Франции, то попытки Бэкингэмшира подкупить его «были так неуклюжи, что британскому правительству пришлось извиниться перед канцлером». Поговаривали, продолжала Мадариага, что Макартни потратил 150 тыс. руб. из секретных фондов, хотя на самом деле эта сумма приближалась к 10 тыс. руб. Он добивался информации, но ни малейшего влияния на политику России не оказывал. «Даже Фридрих II как-то раз попробовал подкупить Никиту Панина при помощи поистине царского куша — 200 тыс. талеров. Но Панин оказался неподкупен, как и сама Екатерина». Историк заключает: «При русском дворе все еще можно было купить за деньги информацию, можно было даже ускорить ход тех или иных дел, если получатель взятки был достаточно высокопоставленным, но не более того»⁵⁶. Подобное суждение исследовательницы нам представляется не совсем оправданным. Ведь, если подкуп сановников не играл никакой роли, то почему к нему столь часто прибегали иностранные послы?

Использование высокопоставленных российских чиновников в качестве информаторов становилось обычным делом у британских послов. К примеру, Кэткарт сделал своим осведомителем посла России в Польше Каспара фон Сальдерна, сыграв на его преклонении перед людьми влиятельными, беспринципности и неразборчивости в средствах. В депеше в Лондон от 22 февраля 1771 г. посол извещал госсекретаря Галифакса: «Вчера утром господин Сальдерн под величайшим секретом прочитал мне бумагу, служащую основанием для его инструкций (по польскому вопросу. — Т. Л.)»⁵⁷. Впрочем, Сальдерн не был единственным осведомителем у Кэткарта. Посол не раз упоминал о том, что получал секретную информацию то от «одного из своих приятелей», то от самого графа Панина⁵⁸.

Наибольших успехов в привлечении осведомителей и информаторов среди придворных и приближенных к императрице лиц добился Джеймс Гаррис. В своих депешах он сообщал, как Екатерина II, столкнувшись с несговорчивостью в переговорном процессе Генеральных штатов, решила в случае их отказа принять предлагаемые англичанами меры, применить вооруженную силу. Для этой цели она отдала приказ всем кораблям, годным к службе, подготовиться к вооруженным действиям. Об этой новости, представлявшей собой «весьма важную тайну», Гаррис узнал от своего «друга» князя Потемкина и секретаря А. А. Безбородко. Чтобы не подставить своих информаторов, посол просил госсекретаря Фокса делать вид «ничего не знающего» об этом секретном плане императрицы. Сам же он отправился в Царское Село,

⁵⁴ Русский архив, 1874, т. I, № 6, с. 440.

⁵⁵ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 751.

⁵⁶ *Де Мадариага И.* Указ. соч., с. 315.

⁵⁷ Дипломатическая переписка..., с. 194.

⁵⁸ Там же, с. 191, 208, 204.

чтобы повидаться с князем Потемкиным и узнать подробности готовящейся военной операции.

Примечательно, что дипломат неоднократно называл Потемкина своим «другом» либо «приятелем»⁵⁹. Определяющим в дружеском расположении к князю, судя по всему, посол считал его симпатии к Англии. В депеше в Лондон от 21 августа 1780 г. Гаррис писал: «Я провел часть прошлой недели в деревне князя Потемкина, в Финляндии. С нами не было никого, кроме избранной части его семейства; и когда он не находился в их обществе, то вполне принадлежал мне. Я, имев случай окончательно изучить его характер, дошел до убеждения, что ни с кем в целой империи он бы не говорил так свободно и откровенно, как со мной. Он действительно и сильно расположен быть нашим другом»⁶⁰. Гаррис не сомневался, что Потемкин старался все делать «в пользу» англичан. В другой депеше посол подчеркивал, что в отношении к нему Потемкин «совершенно дружественен и искренен»: он «уверяет ...что готов нам помогать, как только случай к тому представится»⁶¹. Потемкин, писал Гаррис, «хотел убедить меня, что он старался об наших выгодах с большим влиянием и силой, чем ему на то действительно потребовалось»⁶².

Дипломат встречался с князем довольно часто, нередко в его доме, в любое время суток, если того требовали их общие дела. «Когда все удалились, мы с ним (Потемкиным. — *Т. Л.*) имели весьма продолжительный и интересный разговор, — извещал Гаррис министра Стормонта 25 сентября 1780 г. — Он был общительнее, чем обыкновенно, и говорил о характере императрицы, о настоящем состоянии империи и о личном своем положении, обнаруживая самое глубокомысленное суждение и проницательность и доказывая ...самое полное доверие к моей сдержанности и умению сохранять тайну»⁶³. Не исключено, что князь Потемкин мог делиться с британским послом информацией, явно не предназначенной для иностранца.

Каким же образом Потемкин предполагал «оказывать помощь» англичанам? Так, к примеру, он позволял Гаррису знакомиться с перепиской императрицы с главами других государств⁶⁴. Но самое главное, Потемкин мог оказывать влияние на Екатерину II. Гаррис подчеркивал, что выбор фаворитов для императрицы, как правило, производил сам князь. Естественно, что это были лица, преданные ему лично. Когда же предпочтение отдавалось не его протее, Потемкин всячески противился выбору предполагаемого «любимца». Для этого, отмечал Гаррис, он употреблял «все средства, подсказанные ему его хитростью и влиянием его на императрицу». Он осмеливался даже угрожать и вообще «выражался самым неподобающим образом». Когда же князь убеждался в бесполезности своих усилий и твердости намерений Екатерины следовать собственному выбору фаворита, то переходил «к самому покорному тону»⁶⁵.

О значительном влиянии Потемкина на императрицу не только в выборе фаворитов, но и в государственных делах Гаррис сообщал в Лондон 24 мая 1779 г.: «Князь Потемкин управляет ею (императрицей. — *Т. Л.*) самым неограниченным образом; изучив до тонкости ее слабости, желания и страсти, он пользуется ими ...согласно со своими целями». Кроме этого «сильного влияния», продолжал посол, он «держит ее в постоянном страхе» из-за опасений козней со стороны великого князя и утверждает,

⁵⁹ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 773, 778, 782.

⁶⁰ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 399.

⁶¹ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 783.

⁶² Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 382.

⁶³ Там же, с. 407.

⁶⁴ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 753.

⁶⁵ Русский архив, 1874, т. I, № 6, с. 1501.

что только он «может вовремя открыть злоумышление с этой стороны и защитить ее от него».

Между тем влияние Потемкина на императрицу стало заметно ослабевать на протяжении 1781 г. В депеше лорду Стормунту от 21 октября Гаррис с сожалением констатировал, что не получает больше «ни малой помощи» от князя Потемкина, который не пересказывает императрице того, что ему говорит посол, и «не сообщает никаких сведений». «Едва только я с ним заговариваю о делах, — продолжал дипломат, — он делается невнимателен и нетерпелив; и вместо того, чтобы по-прежнему вникать с величайшим участием во все, что я сообщаю ему относительно наших дел, теперь он ... сделался совершенно равнодушен к этому предмету»⁶⁶.

Причину перемены Потемкина в отношении к «английским делам» Гаррис усматривал не в изменении его политических симпатий («я уверен, что он не предался ни французской, ни прусской партии»), а в его собственном положении (он заботится «лишь о поддержании своего личного влияния»). «Влияние это значительно уменьшилось с самого начала сего года, — продолжал посол, — а так как он приписывает это... тому сильному участию, которое он принимал в иностранных делах, то и решился не вмешиваться более ни во что, до них относящееся»⁶⁷.

Нам представляется, что доля истины в рассуждениях англичанина была. Вряд ли столь тесные «дружеские» отношения видного сановника, приближенного к императрице, и посла, отстаивавшего интересы своей страны, которые чаще всего шли вразрез с интересами Российской империи, не были замечены другими членами правительства и придворными, не благоволившими к Потемкину. Свое мнение недоброжелатели князя, безусловно, пытались донести до Екатерины II. Отсюда ее охлаждение к некогда любимому фавориту, которое, впрочем, оказалось временным. И вот уже 25 февраля 1782 г. Гаррис свидетельствовал: «Потемкин не утратил ни милостей, ни власти»⁶⁸. По мнению Гарриса, князь Потемкин будто бы был всецело предан ему и действовал в интересах британцев.

Как мы могли убедиться, определяющим в выборе сановников, которые могли оказать какую-либо помощь или содействие в решении дипломатических вопросов для британских послов являлась их приверженность английским интересам. Не стал исключением среди придворных англоманов и секретарь императрицы граф А. А. Безбородко. В одной из своих депеш Гаррис писал: «Секретарь, кажется, хорошо к нам расположен; и он единственный человек, на кого я могу положиться и от которого могу получить существенную помощь»⁶⁹. И действительно, дипломат не раз получал необходимые сведения от графа Безбородко, а также передавал через него свою информацию для императрицы⁷⁰.

Надо заметить, что многие высокопоставленные чиновники Екатерины II не случайно становились англоманами. Ведь сама императрица никогда не скрывала своих симпатий к Англии и англичанам. Об этом не раз упоминал в своих депешах Гаррис. Если поначалу посол считал, что Екатерина II «настолько же расположена к Англии, как к Пруссии», то постепенно убедился в том, что она, судя по ее собственным словам, «всегда была и всегда останется истинным другом Англии»⁷¹. «Ничто не может быть искреннее моей дружбы к Англии», — утверждала императрица в беседе

⁶⁶ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 814.

⁶⁷ Там же, с. 814—815.

⁶⁸ Там же, с. 830.

⁶⁹ Там же, с. 752, 840.

⁷⁰ Там же, с. 787, 817.

⁷¹ Русский архив, 1874, т. I, № 7, с. 154, 158.

с послом⁷². Гarris не сомневался в искренности слов Екатерины и пытался заверить в том других. «Будьте уверены, — писал он Роберту Кейгу в Вену, — что императрица любит нас, как народ, и хотя в характере ее есть некоторая доля оппозиции, тем не менее она никогда не повредит нам»⁷³. Во время частной беседы с послом Екатерина прямо заявила: «Я люблю ваш народ, как свой собственный». А далее продолжила: «Я друг Англии, как по личному расположению, так и по расчету»⁷⁴. Естественно, что подобные заявления Екатерины II не могли не убедить посла в том, что она питает к британцам «сильнейшую дружбу и расположение», и сделает все возможное, чтобы на деле доказать это. Князь Потемкин подтвердил подобные намерения императрицы и во время одной из бесед с Гаррисом сообщил, что Екатерина «искренне и неизменно» расположена к британскому народу, «интересы и благополучие которого, после благосостояния ее собственных подданных ей всего ближе к сердцу». И доказала она это тем, что «постоянно искала самого тесного союза» с королем Великобритании, заключение которого «всегда было ее первым желанием»⁷⁵.

Дружеское расположение к Англии Гаррис усматривал также в особом отношении императрицы к себе самому, о чем он не раз извещал официальный Лондон. «Она (Екатерина II. — Т. Л.) продолжает оказывать мне необыкновенное отличие», — писал Гаррис в депеше 29 января 1779 г. «Милости императрицы ко мне превосходят всякую меру», — отмечал он, месяц спустя. «Если бы она не имела ко мне особенного уважения, она никогда бы не согласилась принять меня таким необыкновенным образом (в личных покоях. — Т. Л.)», — докладывал посол в Лондон 9 сентября 1783 г.⁷⁶

Действительно, Екатерина II выделяла Гарриса среди других послов. Она нередко приглашала его для игры в карты, предпочитая его компанию, и однажды даже заставила князя Барятинского уступить послу свое место⁷⁷. Особенно импонировало Гаррису то, что императрица вела с ним приватные беседы наедине, что он расценивал как особый знак доверия и расположения к ее сторонам. Послу довелось ужинать вместе с императрицей в «самом небольшом обществе» у графа Строганова, где, кроме него, не было ни одного иностранца и вообще «присутствовали только те лица, с которыми императрица обращается совершенно интимно». Во время ужина Екатерина отвела дипломата в сторону и заявила: «Я готова на все, чтобы быть вам полезной»⁷⁸. Не менее лестным для себя Гаррис считал обхождение с ним императрицы во время ужина, состоявшегося в Эрмитаже. Екатерина позволила послу «разделить с ней ее собственные весьма скромные кушанья, которые были поданы на карточном столе без прислуги и вообще без всяких зрителей»⁷⁹.

В своей переписке с главой внешнеполитического ведомства Гаррис не раз упоминал, от кого он получает секретную информацию. Чаще всего это были анонимные информаторы. К примеру, он упоминал некоего морского офицера, который отправлялся с эскадрой в море. Посол пытался получить от него инструкции начальства, чтобы составить представление об «истинных намерениях» российского правительства⁸⁰. Гаррису удалось найти осведомителя даже в Коллегии иностранных дел, возглавляемой графом Паниным. Этот человек передавал послу «довольно исправные

⁷² Там же, с. 159.

⁷³ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 391.

⁷⁴ Там же, с. 423, 426.

⁷⁵ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 751, 756.

⁷⁶ Русский архив, 1874, т. I, № 7, с. 145, 147.

⁷⁷ Русский архив, 1874, т. I, № 6, с. 1485; т. I, № 8, с. 405, 406.

⁷⁸ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 361.

⁷⁹ Там же, с. 363.

⁸⁰ Русский архив, 1874, т. I, № 7, с. 147.

и точные сведения» обо всем происходящем в ведомстве⁸¹. Не упустил посол из своего поля зрения и приближенных императрицы⁸². Но, пожалуй, самыми ценными информаторами Гарриса становились наиболее доверенные лица Екатерины II: князь Потемкин и князь Безбородко. Англичанин не раз упоминал, что получал от них секретную информацию. Так, в депеше Стормонту от 25 июня 1781 г. посол сообщал: «Я получил сообщение о заключении договора от доверенного секретаря Безбородко. Надеюсь удержать его за собой, так как я уже лишился почти всех своих агентов, которых переманили французы и пруссаки»⁸³.

Иногда Гаррис получал информацию не от сановников, а от их доверенных лиц. Наиболее показательным примером могут служить сведения, полученные Гаррисом от «единственного лица, пользующегося полным доверием Потемкина... без которого он ничего не может сделать». «Так как, несмотря на его честную наружность, я знал его за человека вполне продажного, то и обратился к нему без лишней деликатностей, — сообщал посол лорду Стормонту 15 мая 1780 г. — Я сказал ему, что от меня зависит оказать ему весьма важную услугу, если только он будет говорить со мной прямо и откровенно». «Наша сделка скоро состоялась, — продолжал Гаррис, — я сказал ему, что вовсе не нуждаюсь в помощи, а требую только сведений, а затем уверил его... что... в случае, если он станет поступать со мной честно и откровенно, он может смело рассчитывать в будущем на проявления щедрости». И далее англичанин поставил перед информатором ряд вопросов⁸⁴.

Ответы, полученные от информатора, Гаррис переслал в Лондон. Послу стало известно, что Декларация о вооруженном нейтралитете⁸⁵ являлась «собственным произведением императрицы». Первые пять пунктов документа «в черновом виде» были ею переданы Панину, который «придал бумаге настоящий ее вид, не прибавил от себя ничего существенного». Кто же «вложил ей в голову» эти пять пунктов, информатор не знал, но мог предположить, что идеи о них почерпнуты из разговоров с президентом Коммерц-коллегии графом А. Р. Воронцовым и агентом императрицы в Гамбурге Сен-Подем. Касаясь расположения Екатерины к другим государствам, информатор заметил, что поначалу императрица склонялась в пользу англичан, но под влиянием министров и «окружающей ее со всех сторон» лести поменяла свои предпочтения и решила сохранить «полный нейтралитет», что оказалось для англичан «вредным».

Отвечая на вопрос о князе Потемкине, информатор заверил Гарриса, что тот «искренен, как в словах, так и в поступках». Князь не любит французов, раздражен против короля Пруссии и оставил без внимания его предложения. Гаррис поинтересовался, в чем заключались эти «выгодные предложения»? Оказалось, что король Пруссии обещал Потемкину помочь «добраться до престола герцогства Курляндского, или... выбрать ему жену между германскими принцессами, из которых, однако, ни одна не была названа». На вопрос дипломата, каким образом князь мог отвергнуть такое «лестное предложение», информатор ответил, что Потемкин не верил в искренность подобных обещаний, а усматривал лишь стремление заручиться его расположением. Он также затронул политические пристрастия князя, подчеркнув, что тот «не держался никакой правильной политической системы, а действовал под минутным впечатлением», переходя на сторону той или иной партии⁸⁶.

⁸¹ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 351.

⁸² Там же, с. 368, 392.

⁸³ Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 784, 848.

⁸⁴ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 383–384.

⁸⁵ Императрица Екатерина II издала 27 февраля 1780 г. Декларацию о вооруженном нейтралитете, целью которой была защита судоходства нейтральных государств.

⁸⁶ Русский архив, 1874, т. I, № 8, с. 385–386.

В заключение беседы Гarris поинтересовался о настроениях двора. «Положение двора слишком замкнуто в самом себе, слишком удалено от посторонних влияний, чтобы подвергаться частым изменениям, — отвечал информатор, — все зависит от случайностей... первая роль оставалась за тем, кто лучше всех умел льстить и подделываться под слабости императрицы»⁸⁷. Он также высказывал предположение, что если бы враги императрицы принялись ей льстить, она «поддалась бы их видам, или, по крайней мере, их похвалы усыпили бы ее на время». Этой слабостью императрицы хорошо пользуются французы, «неутомимые в своих стараниях» окружить ее вниманием. Они имеют многочисленных агентов и «не жалеют ни издержек, ни хлопот», лишь бы разрушить всякие попытки со стороны англичан. Им даже удалось привлечь к своей партии графа Панина. И хотя Екатерина II по-прежнему питает к французам «недоверие и даже некоторого рода презрение», тем не менее их лесть ей нравится, и она думает, что «нигде ее могущество и слава так хорошо не известны, и нигде они не осознаны до такой степени, как в Версале»⁸⁸.

Завершая разговор, информатор убеждал Гarrisа, что если бы англичанам удалось добиться от императрицы «публичного заверения в дружбе», то они могли рассчитывать, в случае необходимости, «на поддержку всех сил империи». «Все, выше сказанное, было до того согласно с тем, что я вижу, и с тем, что я знаю, что я надеюсь, Вы, милорд, — обращался посол к лорду Стормонту, — не сочтете денег, на это употребленных, брошенными без пользы, так как я действительно уверен, что средство это доставило нам совершенно верное, хотя не совсем желанное описание о состоянии двора»⁸⁹. Как видно, анонимный информатор Гarrisа, являвшийся доверенным лицом князя Потемкина, действительно представлял собой большую ценность для англичан, добывая сведения, что называется, «из первых рук»: высокопоставленных сановников императрицы, ее министров. Но как бы то ни было, даже все эти «глубокие тайны», секреты двора, добытые информаторами Гarrisа, не повлияли на исход миссии опытного дипломата, которая обернулась для него полным провалом.

Как видно из донесений британских послов, они, выполняя приказы своего правительства, активно занимались сбором разведывательной информации при дворе Екатерины II. Информаторами дипломатов нередко становились высокопоставленные российские чиновники, которые в силу корыстных побуждений, либо «особого» расположения к Британии — англофильства, снабжали послов секретной информацией, тем самым нанося очевидный вред своему государству.

Сведения об армии и флоте Российской империи, естественно, занимали перво-степенное место в разведывательной информации послов. Но не только этим ограничивались дипломаты. Важными для правительства Великобритании, а значит и для послов, представлялись данные о первых лицах Российского государства. Вот почему каждый из послов считал необходимым сообщать в депешах в Лондон свои наблюдения за деятельностью императрицы и ее ближайшего окружения — министров, придворных, ближайших родственников. Все дипломаты рассматривали их как потенциальный источник информации, который можно было использовать в интересах Великобритании.

Библиография

- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (очерки). М., 1958.
Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.
Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

⁸⁷ Там же, с. 386.

⁸⁸ Там же, с. 385.

⁸⁹ Там же, с. 386–387.

- Лабутина Т. Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I. – Вопросы истории, 2010, № 11.
- Лабутина Т. Л.* Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.). – Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011.
- Лабутина Т. Л.* Визит британского врача Т. Димсдейла ко двору Екатерины II. – Е. Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы. М., 2012.
- Лабутина Т. Л.* Петровская Россия глазами британского дипломата Ч. Уитворта. – Новая и новейшая история, 2012, № 4.
- Лабутина Т. Л.* Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I. – Новая и новейшая история, 2013, № 3.
- Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.
- Лабутина Т. Л.* Визит супругов Димсдейл в Россию во второй половине XVIII в. – Вопросы истории, 2013, № 6.
- Лабутина Т. Л.* Была ли Екатерина II английской шпионкой? Домыслы и факты. – Родина, 2014, № 9.
- Лабутина Т. Л.* Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века. – Новая и новейшая история, 2015, № 4, с. 173–186.
- Лабутина Т. Л.* Британский посол Джордж Макартни и его представления о екатерининской России. – Новая и новейшая история, 2016, № 3, с. 166–180.
- Лабутина Т. Л.* Союзный договор – камень преткновения в переговорах британского посла Чарльза Кэткарта и российской императрицы Екатерины II. – Новая и новейшая история, 2018, № 3, с. 80–101.
- Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II. – Русский архив, 1874, т. II, № 11, с. 878.
- Сборник императорского российского исторического общества, т. XII. СПб., 1873.
- Сборник императорского российского исторического общества, т. XIX. СПб., 1876.
- Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге. – Вопросы истории, 1999, № 4–5, с. 116–121.
- Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. XV. История России с древнейших времен, т. 29. М., 1995.
- Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки, изд. 4-е. М., 1985.
- An Account of Russia. 1767. London, 1768, p. 30.
- Labutina T. L.* Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I. – Social Sciences, v. 42, 2011, № 2.

References

- An Account of Russia. 1767. London, 1768, p. 30.
- Bloodless L. G.* The Russian army and navy in the XVIII century (essays). Moscow, 1958. (In Russ.)
- Bloodless L. G.* Reader on Russian military history. Moscow, 1947. (In Russ.)
- De Madariaga I.* Russia in the era of Catherine the Great. Moscow, 2002. (In Russ.)
- Labutina T. L.* British diplomat and intelligence officer Charles Whitworth at the court of Peter I. – Voprosy istorii, 2010, № 11. (In Russ.)
- Labutina T. L.* British scouts in Russia (XVI–XVIII centuries). – The many faces of the whole: from the history of civilizations of the old and the new world. Collection of articles in honor of Viktor Malkov. Moscow, 2011. (In Russ.)
- Labutina T. L.* Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I. – Social Sciences, vol. 42, 2011, № 2.
- Labutina T. L.* Visit of the British doctor T. Dimsdale to the court of Catherine II. – E. R. Dashkova and the XVIII century. Traditions and new approaches. Moscow, 2012. (In Russ.)
- Labutina T. L.* Petrovskaya Russia through the eyes of British diplomat C. Whitworth. – Modern and contemporary history, 2012, № 4. (In Russ.)
- Labutina T. L.* British naval officer John Den in the service of Peter I. – Modern and contemporary history, 2013, № 3. (In Russ.)
- Labutina T. L.* British in Russia in the XVIII century. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)

Labutina T. L. The visit of the Dimsdale spouses to Russia in the second half of the 18th century. – Questions of history, 2013, № 6. (In Russ.)

Labutina T. L. Was Catherine II an English spy? Speculation and facts. – Homeland, 2014, № 9. (In Russ.)

Labutina T. L. The unsuccessful mission of the graph of Buckingham. From the history of Russian – British relations of the second half of the XVIII century. – Modern and contemporary history, 2015, № 4, p. 173–186. (In Russ.)

Labutina T. L. British Ambassador George Macartney and his ideas about Catherine's Russia. – Modern and contemporary history, 2016, № 3, p. 166–180. (In Russ.)

Labutina T. L. The Union Treaty is a stumbling block in the negotiations between the British Ambassador, Charles Katkart and the Russian Empress Catherine II. – Modern and contemporary history, 2018, № 3, p. 80–101. (In Russ.)

Lord Malmesbury (Harris) in Russia during the reign of Catherine II. – Russian archive, 1874, vol. II, № 11. (In Russ.)

Collection of the Imperial Russian Historical Society, vol. XII. Saint-Petersburg, 1873. (In Russ.)

Collection of the Imperial Russian Historical Society, vol. XIX. Saint-Petersburg, 1876. (In Russ.)

Secret memoirs relating to the office in Saint-Petersburg. – Questions of history, 1999, № 4–5, p. 116–121. (In Russ.)

Soloviev S. M. Works. Prince Xv. History of Russia since ancient times, t. 29. Moscow, 1995. (In Russ.)

Chernyak E. B. Five Centuries of Secret War. From the history of secret diplomacy and intelligence, ed. 4-e. Moscow, 1985. (In Russ.)